

УДК 316.4; 334.02

**СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА
РЕАЛЬНОГО СЕКТОРА
ЭКОНОМИКИ КАК ЧАСТЬ
СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА
И МЕРЫ ЕГО ВОЗМОЖНОЙ
ОПТИМИЗАЦИИ**

Силласте Галина Георгиевна

Заслуженный деятель науки РФ,
доктор философских наук, профессор,
Финансовый университет
при Правительстве РФ, г. Москва,
e-mail: galinasillaste@yandex.ru

**SOCIAL STRUCTURE OF REAL
SECTOR OF ECONOMY
AS A PART OF SOCIAL
CAPITAL AND MEASURES
FOR ITS POSSIBLE
OPTIMIZATION**

Galina G. Sillaste

Honored Scientist,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Financial University under the Government
of the Russian Federation, Moscow,
e-mail: galinasillaste@yandex.ru

Автор с социологических позиций акцентирует внимание на так называемых не экономических, а сущностно-социальных аспектах заявленной проблемы. Статья построена в формате социологических сюжетов, что придает четкость и лаконизм анализируемым вопросам. Главный из них: социальная структура реального сектора российской экономики как важная часть социального капитала и пути его возможной оптимизации. Определены методологические принципы анализа, его предмет и направления исследования, исходя из целевой задачи государственной программы поддержки отраслей реального сектора экономики и развития промышленности до 2030 г.

В статье отмечается, что механизмом достижения такой цели является перераспределение высвобождаемой излишней рабочей силы, с одной стороны, и оптимизация численности работников – с другой. Это повлечет

The author focuses on the so-called "non-economic", social aspects of the stated issue from the sociological point of view. The paper is organized in the form of sociological subjects that gives clarity and conciseness to the analyzed issues. The main issue is social structure of real sector of Russian economy as an important component of social capital and the ways of its possible optimization. Methodological principles of analysis, its subject and directions of research are defined based on the target of the government program of support of the real sector of economy and industry development until 2030 year.

The article notes that the main mechanisms for achieving this goal are the redistribution of release labor and optimization of the number of workers. It will lead to the reduction of employment in a number of industries, particularly in agriculture and production sector, where it is planned to reduce over 20 % of employment.

за собой сокращение занятости в ряде отраслей производства, прежде всего в сельском хозяйстве и промышленности, где планируется сократить свыше 20 % занятых.

В модусах прошлого, настоящего и будущего социального времени рассматриваются следующие вопросы: запрос современной экономики на специалистов высшей квалификации и кадры квалифицированных рабочих; трансформация института собственности и кардинальное перераспределение работников между частным и государственным секторами занятости; изменения социальной базы рабочего класса; спрос на новые социально-профессиональные группы на рынке образовательных услуг; структурные позиции для квалифицированных работников нефизического труда; социальные последствия перераспределения занятых между государственным и частным сектором экономики; а также новые социальные процессы в отраслевом распределении кадров: ювенизация, феминизация и дефеминизация, гендерная асимметрия и гендерная конкуренция, гендерные предпочтения в трудоустройстве и распределении трудовых ресурсов. Предлагаются конкретные меры по возможной оптимизации роста производительности труда, созданию высокопроизводительных рабочих мест в отечественной промышленности.

Ключевые слова: высокопроизводительные рабочие места, гендерное бюджетирование, «утечка мозгов», единые минимальные социальные стандарты, стандарт благополучия, социальные практики оптимизации, импортозамещение, экономические санкции, модус социального времени, социальная дискриминация, феминизация, социогендерные процессы, гендерная конкуренция, ювенизация, социальные последствия.

The following issues are described in the modes of the past, present and future social time: the needs of modern economy for highly qualified specialists and skilled workers; the transformation of the institution of property and radical redistribution of workers between public and private employment sectors; changes in support base of working class; demand for new social and professional groups in the learning services; structural positions for skilled non-manual workers; social consequences of redistribution of employment between public and private sectors of economy; new social processes in the distribution of staff between the industries: juvenilisation, feminization and defeminization, gender asymmetry and gender competition, gender preferences in employment and the distribution of labor resources. The concrete measures for possible optimization of productivity growth, creation of high-performance jobs in domestic production sector are suggested.

Keywords: high performance jobs, gender budgeting, "brain drain", general minimum social standards, well-being standard, social optimization practices, import substitution, economic sanctions, mode of social time, social discrimination, feminization, social and gender processes, gender competition, juvenilisation, social consequences.

Введение

Обращаясь к государственным стратегиям поддержки реального сектора, акцентирую внимание на так называемых не экономических, а конкретно-социальных аспектах обсуждаемой проблемы. Такая поста-

новка обусловлена рядом объективных и субъективных факторов, которые важно учитывать, анализируя процессы реанимации и модернизации реального сектора российской экономики. Но предварительно изложу три методологических отступления, на которых строится предлагаемый анализ. Во-первых, это концепция модусов социального времени (настоящего, прошедшего и будущего), согласно которой развитие общества как социетальной системы *в настоящем* определяется не столько ее нынешним состоянием, сколько стратегическими задачами *ее развития в будущем*, в перспективе, подчиняя себе процессы настоящей социальной реальности. Для достижения целей будущего необходимы опыт прошлого, извлеченные из него социальные уроки и созданная к настоящему времени социальная база развития реального сектора экономики.

Во-вторых, важен учет неэкономических факторов экономического развития. Экономика как важнейший социальный институт не может развиваться на базе только материальных факторов. Социальное ускорение, динамику развития ей придает реальная социальная база занятых в экономике, которая обусловлена социальной структурой общества, сформировавшейся на данном этапе ее развития. При этом социальная структура, задействованных в сфере труда и занятости, имеет как общие черты, так и свои отличительные особенности в каждой из отраслей российской экономики.

И третье, теоретическое отступление. Чтобы быть правильно понятой в экономическом сообществе, отмечу, что социальная структура – это совокупность социальных групп, институтов и отношений, взаимодействие которых обеспечивает функционирование общества как целостной системы.

Почему делаю акцент на социальной структуре занятых в реальном секторе экономики? По той причине, что она выполняет функцию социального мотора промышленности, который обеспечивает ее развитие, придает ускорение и является неотъемлемой частью социального капитала экономики в целом. Анализ проблемы изложим в формате нескольких социологических сюжетов.

Сюжет первый – экономический

Начну его не с модуса настоящего или прошлого, а с модуса будущего социального времени, которое определяет *целевую задачу государственной программы поддержки отраслей реального сектора экономики и развития промышленности до 2030 г.* Согласно поставленной президентом РФ цели, предстоит *«создать и модернизировать 25 млн высокопроизводительных рабочих мест и на этой основе повы-*

сить заработную плату» [1, с. 5], а значит, и уровень благосостояния. Обращаю внимание на акцент: *высокопроизводительных рабочих мест* (ВПРМ). По формулировке Фонда Форда ВПРМ – место, позволяющее получать достаточную для жизни зарплату, накапливать финансовые активы и иметь карьерные перспективы.

По сути, поставлена цель – сформировать новое качество социального капитала для новой индустриализации реального сектора экономики, конкретнее для реиндустриализации промышленности. Механизмом достижения такой сложнейшей цели является перераспределение *высвобождаемой излишней* рабочей силы, с одной стороны, и оптимизация численности работников – с другой. Бесспорно, это повлечет за собой сокращение занятости в ряде отраслей производства. Прежде всего, в отраслях реального сектора экономики, которыми в ближайшие 17 лет (до 2030 г.) станут сельское хозяйство и промышленные виды деятельности. Именно в них планируется сократить свыше 20 % занятых.

Естественный вопрос: куда, в каком направлении произойдет *переедресация социального капитала* занятых в этих отраслях? В качестве первоочередных определены сферы услуг и торговли, увеличение занятости в которых к 2030 г. предполагается на 11 % [1, с. 8]. К этим отраслям добавятся здравоохранение и сфера социальных услуг, рост занятости в которых ожидается от 2–6 (в здравоохранении) до 15–25 % (в социальных услугах). Иначе говоря, должно произойти перераспределение *социального капитала* задействованных между рынками труда и занятости и профессий реального (промышленного) и непромышленного, т.е. социального, секторов экономики (по сути, сферы социальных услуг).

В модусе будущего социального времени вырисовывается вроде бы оптимистический сценарий, так как даже при общем снижении занятости ожидается наибольший ВПРМ именно в промышленных отраслях экономики. Здесь планируется создание дополнительных 2 млн рабочих мест, что позволит увеличить удельный вес ВПРМ в промышленности с 32 до 56 %. Таков экономический фон постановки проблемы [2].

Но если экономика – это локомотив, то топливом его движения является социальная база занятых в ней кадров. Поэтому переход к развитию современной *инновационной экономики* резко обозначил главную проблему российского рынка труда, занятости и профессий: *кадры и их социальное качество*. Впервые за годы рыночных деструкций и преобразований российская экономика столкнулась с проблемой

не переизбытка, а *дефицита кадров* по целому ряду направлений профессиональной подготовки. Инновационный переход потребовал кадры *нужной* квалификации и для *конкретных* отраслей производственной и экономической деятельности, а не на-гора профессий, предлагаемых вузами.

Вопрос социальной структуры занятых в производственной сфере и в экономике в целом встал в полный рост. А это уже, говоря народным сленгом, «не чудачество, а борьба за качество», качество социального капитала новой российской промышленности.

В каких *социально-профессиональных* группах работников нуждается в настоящее время российская промышленность? Если кратко, то в *специалистах высшей квалификации* и в *кадрах квалифицированных рабочих*. И та, и другая группы – важнейшие структурные элементы *социально-классовой структуры* общества. Социологически это означает потребность в новой технической и экономической интеллигенции для промышленности при одновременном запросе на квалифицированных рабочих, выпускать которых должны не вузы, а профессионально-технические учебные заведения (в советской терминологии – ПТУ).

По версии портала онлайн-рекрутмента Superjob.ru, перечень самых привлекательных работодателей 2016 г. на 30–40 % состоит из компаний реального сектора экономики, более всего – обрабатывающей промышленности. Тогда как в 2004–2005 гг. эта цифра была на уровне 10–15 % всех работодателей. Требуются операторы станков, инженеры лабораторий, столяры-станочники, электросварщики и представители прочих негуманитарных профессий. С трудностями в найме квалифицированных сотрудников сталкиваются 37 % предприятий, с дефицитом инженерно-технических работников – 32, с нехваткой низкоквалифицированных работников и руководителей – 13 %.

Более 70 % существующих вакантных рабочих мест требуют *квалифицированных рабочих технических профессий*. Такой запрос на данный период времени рынок образовательных услуг удовлетворить не может. Он продолжает по инерции выпускать популярных среди поступающей молодежи и ее родителей менеджеров, юристов, управленцев, экономистов.

Сюжет второй – социологический

В модусах прошлого и настоящего социального времени *трансформация института собственности в начале 90-х гг. привела к кардинальному перераспределению работников между частным и государственным секторами института собственности, глубокой транс-*

формации всей социальной структуры общества, прежде всего социально-классовой структуры занятых в российской промышленности.

К 2015 г. параметры занятых в экономике (а это основа ее социального капитала) и распределение работающих между институтами частной и государственной форм собственности кардинально изменились. К 2016 г. в секторах государственной и муниципальной форм собственности остались работать 14 % работников, остальные 86 % заняты в частном секторе [3, с. 196]. Соотношение предприятий и организаций государственного и частного секторов российской экономики составляет 1 к 13 (7,3 % предприятий государственной и муниципальной собственности к почти 90 % – частной). Это очень высокое для отечественной экономики насыщение частным капиталом, который, естественно, стал диктовать свои условия и запросы не только на торговых, финансовых рынках, но и на рынке образовательных услуг. Изменилось внутривидовое перераспределение занятых в отраслях экономики (рисунок).

Внутривидовое перераспределение занятых в отраслях отечественной экономики с 2000 до 2015 г.

Таким образом, в производственной сфере трудится 18 % экономически активного населения, в промышленности – 15. Рядовые работники торговли и сферы бытового обслуживания составляют 14 %, предприниматели и самозанятые – 4 (их менее 1 % среди жителей мегаполисов, но 10 % среди сельских жителей), а также рабочие разного уровня квалификации (36 % от работающих россиян). По данным Института социологии РАН, более 60 % рабочих и 59 % работников торговли и бытового обслуживания работают в частном секторе независимо от уровня их квалификации [4, с. 62].

Вместе с тем абсолютное большинство работающих в частном секторе экономики еще не означает той же высокой меры поддержки частной формы собственности со стороны общественного мнения. Так, устойчивая тенденция всех лет (начиная с эйфории 1997 г.) – сокращение количества сторонников частной формы собственности в экономике. Если в 1997 г. 28 % россиян считали, что экономически более правильной является система, основанная на государственном планировании и распределении, то в 2016 г. такой точки придерживаются уже 51–52 % россиян. Это притом, что удельный вес *приверженцев эффективности частной формы собственности* ежегодно сокращается: с 48 % в 1992 г. до 26 % в 2016 г. [4, с. 56].

Сюжет третий – изменение социальной структуры и социальной базы рабочего класса

Известная по советским временам «четырёхчленка» социальной структуры (рабочий класс – крестьянство – служащие – интеллигенция) распалась. Общество стратифицировалось, расслоилось по социально-профессиональным группам, по уровню доходов, по социальной престижности профессий.

Учитывая, что речь идет о реальном секторе экономики, зададимся вопросом: остался ли в России рабочий класс? А крестьянство как класс? Нередко в экономической среде речь ведется исключительно *о персонале*. Не следует так поспешно хоронить российский рабочий класс. Он сильно изменился, усложнился, но по-прежнему занимает важное место в социальной структуре общества, особенно страта индустриального рабочего класса.

Социальные закономерности развития общества как социетальной системы неумолимы. Чем активнее страна стремится к техническому прогрессу, к восстановлению промышленного производства, повышению социальной ответственности бизнеса и государства, тем острее потребность в понимании процессов стратификации классовой и социально-профессиональной структуры общества и занятых в экономике.

Какие процессы в модусе *настоящего социального времени* протекают в рабочем классе, остающемся главной движущей силой промышленного производства, его социальным потенциалом (или в западной терминологии – капиталом)? Для ответа на поставленный вопрос полезно обратиться к теории классов, являющейся ключом к пониманию сущности социальных изменений в самом реальном секторе экономики. Что изменилось в его структуре, что представляет сегодня *новый рабочий класс* российской экономики? Да, это не классический

марксовский рабочий класс. Нынешний рабочий класс состоит из нескольких страт-слоев: *индустриальный* рабочий класс, рабочая элита, рабочие высокой и высшей квалификации, рабочие среднеквалифицированного труда и низкоквалифицированные рабочие. Их по западной типологии называют синими воротничками и синими блузами. Присутствует среди рабочего класса и слой среднего класса.

Инновационная экономика нуждается в пополнении, прежде всего страты *индустриального рабочего класса* как более организованного, квалифицированного и мобильного, а также в рабочих высокой и высшей квалификации (то, что в программных документах определяется термином *ВПРМ*).

Сюжет четвертый – спрос на новые социально-профессиональные группы на рынке образовательных услуг

Результаты социологических исследований подтверждают, что промышленное производство как сфера занятости, а рабочий класс как его главная движущая сила остаются непопулярными на российском рынке труда и профессий. Его интересы по-прежнему не совпадают с интересами «производителей» кадров на рынке образовательных услуг. У каждого из этих рынков сегодня своя траектория развития. Сближение идет медленно и очень сложно.

Однако нельзя не отметить и позитивного сдвига в выборе профессий и сфер деятельности в ориентациях школьных выпускников в 2015 г. По данным социологов ВЦИОМ [5, с. 4], промышленность наконец вошла в перечень наиболее желательных сфер трудовой деятельности и профессий, которые респонденты хотели бы для своих детей и внуков. Впервые с 90-х гг. ориентация на управленцев, на государственную службу, на занятие бизнесом уступила место интересу к промышленности. Но это пока на уровне замера интереса взрослых респондентов. Тем не менее это, безусловно, важное смещение в массовом сознании. По мнению 65 % россиян, необходимо разработать новый курс экономической политики, а 26 % считают, что стране нужна новая индустриализация [5, с. 5].

Если кратко, то в модусе настоящего социального времени в российской экономике основными социально-профессиональными группами (по данным исследований Института социологии РАН) стали [4, с. 71]:

1) высококвалифицированные работники с высшим образованием (так называемые белые воротнички и белые блузки), составляющие 29 % работающих россиян. Это работники, занятые высококвал-

лифицированным умственным трудом, имеющие диплом о высшем образовании;

2) высококвалифицированные работники, но без высшего образования (17 %);

3) базовая. Она включает в себя не менее 54 % работников (служащие, работающие на должностях, не требующих высшего образования: офисные работники, неофицерский состав силовых структур, лаборанты, библиотекари и т.д.). Для выполняемого ими труда высшее образование штатным расписанием не предусмотрено. В мегаполисах доля представителей наиболее квалифицированной группы (белых воротничков) с высшим образованием составляет 37 %, в селах – 16. Свыше 2/3 белых воротничков разного уровня квалификации сосредоточены на государственных предприятиях.

Таким образом, структурные позиции для *квалифицированных работников не физического труда* сегодня сформированы, прежде всего, в бюджетном секторе.

Наиболее высокие доходы фиксируются у высококвалифицированных работников, предпринимателей и самозанятых. Наиболее низкие – у наименее квалифицированных рабочих, а также у работников торговли и бытового обслуживания.

Сюжет пятый – социальные последствия перераспределения занятых между государственным и частным секторами экономики

Выделю лишь некоторые социальные явления и процессы. При этом буду исходить из того факта, что 40 % занятых в экономике, ее промышленном секторе составляют женщины. О каких социальных последствиях может идти речь и какие социальные процессы характерны для российской экономики?

1. Произошла ювенизация (т.е. омоложение) занятых в ряде экономических отраслей. Один из ярких примеров – финансово-банковский сектор экономики, который стал одним из самых молодых по среднему возрасту занятых в нем работников – 35,6 года. Сфера приобрела высокую социальную привлекательность по таким показателям, как уровень заработной платы, технизация, условия труда. Существенное омоложение кадров происходит в сферах медицинского обслуживания и здравоохранения, информационных технологий.

В то же время отмечается геронтологический процесс увеличения возраста занятых в экономике: с 38 лет в 1992 г. до 40 лет в 2015 г. Среди работающих пенсионеров также преобладают женщины [6, с. 46].

2. Усиление *гендерной асимметрии* занятых в отраслях экономики и развитие *гендерной конкуренции*, а также *социальной дискримина-*

ции женщин. Позитивным результатом последних десяти лет стал рост количества женщин среди управленческих кадров в разных сферах российской экономики. По данным ООН, Россия в 2015 г. заняла первое место по лидерству женщин среди управленцев, руководителей разного уровня – 45 %, опередив многие страны мира, в том числе западноевропейские. Так, в Германии этот показатель составил всего 15 %, в Китае – 30, в Японии – 7 %. Если по отраслям, сферам и должностям, то в России 53 % женщин среди финансовых директоров, 28 – среди руководителей служб персонала, контроля и аудита. Это высокие показатели. Хотя лишь 2 % женщин в России являются руководителями высшего звена, а также информационных департаментов, еще 4 % женщин среди операционных директоров. Будем считать это заделом на будущее.

В то же время протекают сложные дихотомические социогендерные процессы *феминизации* и *дефеминизации* отдельных отраслей экономики. Например, для финансово-банковского сектора экономики с 1992 г. характерен процесс дефеминизации, связанный с сокращением количества работающих в нем женщин при ежегодном увеличении количества пополняющих отрасль мужчин. Так, если количество мужчин с 1980 г. увеличилось в 8 раз, то женщин – в 2 раза. Причины объективные: улучшение условий труда, высокий уровень заработной платы, превышающий другие сферы (кроме нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей).

Напротив, продолжается *феминизация* сфер образования и здравоохранения. Если в 1992 г. работающие в них женщины составляли свыше 70 %, то сегодня превысили 80 %.

В России фактически не осталось сфер занятости, где сохранялись бы официальные гендерные ограничения для приема на работу женщин. Однако это не означает отсутствие нелегитимных, скрытых форм гендерных дискриминационных барьеров при трудоустройстве женщин (барьеров прежде всего возрастных, которые опустились на уровень 40 лет). Женщинам после 40 лет стало трудно рассчитывать на беспрепятственное трудоустройство. Вместе с тем социальное противоречие между усилением гендерной конкуренции на рынках труда, занятости и профессий, с одной стороны, и усилением социальной дискриминации женщин в сфере трудовой деятельности – с другой, пока снять не удастся. Разница в оплате труда мужчин и женщин в экономике по-прежнему составляет 30 %, в финансово-банковской сфере – 29 [6, с. 31].

Еще одна особенность: интеллектуальный потенциал занятых в промышленности и в целом в экономике все сильнее концентрируется в женской гендерной общности, отличающейся в России более высоким уровнем образования, нежели мужская. Предпочтением женщин при трудоустройстве по-прежнему пользуется государственный сектор экономики. Среди мужчин – частный. Это объясняется тем, что женщины предпочитают при меньшей оплате труда работу, отличающуюся большей социально-трудовой устойчивостью, более развитым духом коллективизма, чем, по мнению россиянок, в большей мере обладают трудовые коллективы государственного сектора экономики. По оценкам женщин, в таких коллективах сильнее развиты социальный контроль и социальная поддержка работников, отсутствуют открытые формы дискриминационного подхода к женщинам-работницам и сохраняется более гуманизированная трудовая среда.

Изменилась и гендерная структура безработицы, в социальном облике которой преобладают не женские, а мужские черты. Особенно это касается безработных с начальным и средним образованием.

Отмеченные социально-демографические изменения – существенные и напрямую затрагивают социальную политику государства и регионов. И не только их. Эти смещения в гендерной экономике касаются и социальной политики на уровне крупных компаний и организаций, так называемой корпоративной социальной политики.

Сюжет шестой – социальная реакция российского общественного мнения на антироссийские санкции в модусе настоящего времени

Среди населения и среди занятых в промышленности (особенно) нет иллюзий о возможном снятии Западом экономических санкций с России. Напротив, 71 % россиян считают, что Запад продлит свои экономические санкции (что, собственно, и произошло в июле 2016 г.). Отношение к подобным негативным ожиданиям вполне спокойное. Более того, в 75 % случаев занятые в промышленности уверены, что *«Россия должна продолжать свою политику, невзирая на санкции»* [5, с. 6]. Для такой позиции есть основания.

По оценкам экономически активного населения, в ближайшие годы Россия может добиться импортозамещения в плане обеспечения себя продуктами питания (мнение 74 % респондентов), лекарствами, одеждой и обувью (42 – 44 % респондентов). Скорее оценки в части самообеспечения бытовой и компьютерной техникой, средствами связи. В этом случае доля считающих возможным добиться эффективного импортозамещения насчитывает лишь 33 %. Группа скептиков, убеж-

денных в том, что добиться импортозамещения «совершенно не удастся», составляет от 4 до 8 % [5].

В целом население все более хладнокровно воспринимает анти-российскую западную санкционную политику. 36 % считают, что «Россия продолжает выходить из кризиса». Хотя у 29 % россиян точка зрения противоположная: «Нас ожидают углубление кризиса и нарастание связанных с ним проблем». В общем население с пониманием относится к сложившейся ситуации. Хотя это не означает отрицания того факта, что ухудшение и потери для страны имеются, и немалые.

Но кредит доверия россиян президенту пока очень высок: одобряют его деятельность 82,5 % респондентов (на июль 2016 г.), правительства – 60,2 [5, с. 6]. Люди в своем большинстве верят, что Россия переживет и это испытание. Но нужна ставка, разработка стратегии на развитие собственных ресурсов, выработку нового экономического курса и новую индустриализацию в экономике.

Не могу не отметить, что Россия, приобретая дорогой ценой рыночный опыт, постепенно учится применять его в кризисных условиях. Опыт разработки антикризисных программ развития в связи с мировым кризисом (2008–2009 гг.) сегодня используется в программах антисанкционных мер поддержки национальной экономики.

Сюжет седьмой (заключительный) в модусе будущего социального времени

Каковы возможные социальные практики оптимизации производительности труда и реального сектора экономики? Предложила бы некоторые из них.

1. Считаю, что решающим звеном является мезоуровень. То есть региональный как наиболее социально чувствительный, сложный и уязвимый. На одном из последних заседаний Научно-экспертного совета при председателе Совета Федерации, в частности, отмечалось, что за последние годы доля социальных расходов региональных бюджетов резко возросла: с 39 % (в 2000 г.) до почти 62 % в 2015 г. [7, с. 31]. Многие регионы не выдерживают такой нагрузки. Однако она неизбежна.

Процесс продолжающейся социальной поляризации населения наглядно проступает в соотношении общих доходов пяти самых «богатых» и пяти самых «бедных» регионов: разрыв между ними свыше 43 раз [7, с. 7]. За такой диспропорцией таятся скрытая угроза социального недовольства и риск дестабилизации внутренней ситуации, чего, понятно, допустить нельзя.

2. Разработка и обеспечение так называемого стандарта благополучия для всех социальных групп, его повышение за счет эффективно-

го использования и развития собственного социально-экономического потенциала субъектов Российской Федерации и муниципальных образований. Хотя понятие *единых минимальных социальных стандартов* пока еще не нашло законодательного закрепления. Вместе с тем в отраслях социальной сферы на федеральном уровне установлены стандарты, создающие общее социальное поле страны.

3. Развитие внутренней корпоративной социальной политики, которая не должна ограничиваться лишь солидными трансфертами.

4. Внедрение практики гендерного бюджетирования (в первую очередь на федеральном уровне).

5. Дестимуляция в обществе «утечки мозгов» за рубеж.

Небольшой комментарий. За последние три года этот показатель в России несколько ухудшился. Так, по данным Всемирного экономического форума, по показателю Global Competitiveness Index 2012–2013 Россия по уровню «утечки мозгов» заняла 98-е место, по уровню сотрудничества в отношениях «работник – работодатель» – 125-е. Сложное взаимодействие этих факторов, с одной стороны, повышает требования к государственной промышленной политике, с другой – требует критического пересмотра отношения к использованию наличных трудовых ресурсов.

6. Нужны более обоснованный, качественный отбор и подготовка кадров, чьи знания, умения и уровень профессиональной квалификации в наибольшей мере соответствуют требованиям современного промышленного производства.

7. Целесообразно распространять практику принятия *программ по повышению производительности труда на высококвалифицированных рабочих местах* (ретранслируя опыт Татарстана).

Думается, что в комплексе эти меры, наряду с действующей государственной программой, экономическими программами финансирования, смогут оказать позитивное влияние на темпы роста производительности труда, создание ВПРМ в отечественной промышленности и тем самым содействовать активизации реального сектора экономики.

Литература

1. Приоритетные направления повышения производительности труда и реализация промышленной политики в субъектах Российской Федерации : аналит. доклад. М., 2014.

2. *Блинова Т.* Нехватка кадров нужной квалификации – главный ограничитель развития компаний // Сочи-2013 : материалы

References

1. *Prioritetnye napravleniya povysheniya proizvoditel'nosti truda i realizaciya promyshlennoy politiki v sub'ektakh Rossiyskoy Federacii* : analit. doklad. M., 2014.

2. *T. Blinova.* Nekhvatka kadrov nuzhnoy kvalifikacii – glavnyy ogranichitel' razvitiya kompaniy // Sochi-2013 : materialy foruma.

форума. Сочи, 2013.

3. Россия в цифрах. М., 2015.

4. Российское общество и вызовы времени. Книга вторая / под ред. М.К. Горшкова и В.В. Пастухова. М., 2015.

5. *Фирсов А.В.* Российская промышленность глазами россиян. М., 2016.

6. Женщины и мужчины в России. М., 2014.

7. Об основных направлениях государственной региональной политики в Российской Федерации. Основные положения. М., 2016.

Sochi, 2013.

3. Rossiya v cifrakh. M., 2015.

4. Rossiyskoe obshchestvo i vyzovy vremeni. Kniga vtoraya / pod red. M.K. Gorshkova i V.V. Pastukhova. M., 2015.

5. *A.V. Firsov.* Rossiyskaya promyshlennost' glazami rossiyan. M., 2016.

6. Zhenshchiny i muzhchiny v Rossii. M., 2014.

7. Ob osnovnykh napravleniyakh gosudarstvennoy regional'noy politiki v Rossiyskoy Federacii. Osnovnye polozheniya. M., 2016.

Поступила в редакцию

20 октября 2016 г.